

Владимир Борисович Данихнов

Колыбельная

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7611047
Данихнов, Владимир Борисович Колыбельная [роман]: Кнума, АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083956-8

Аннотация

Действие книги происходит в безымянном южном городе, «Южной столице», как называет ее сам автор. Город потрясло появление жестокого серийного убийцы, которого в сети уже успели прозвать Молнией: за один месяц он похитил и убил несколько детей, и у следствия нет ни единой зацепки. Чтобы расследовать это дело в город из С.-Петербурга приезжает известный сыщик.

Множество судеб, сон и явь, переплетутся в этой странной книге, полной мрачных теней и отменного черного юмора.

Новая книга от автора романа «Девочка и мертвецы».

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	10
Глава четвертая	14
Глава пятая	18
Глава шестая	22
Глава седьмая	25
Глава восьмая	29
Глава девятая	32
Глава десятая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Владимир Данихнов

Колыбельная

*Ко мне подошла очень бледная Шарлотта и спросила:
– Кто убит?*

Микки Спиллейн «Я сам вершу свой суд»

- © Данихнов В. Б., 2014
- © ИП Бреге Е.В., 2014
- © ООО «Издательство АСТ», 2014
- © Оформление, Брегис Э., 2014

Часть первая Меньшов

Глава первая

Меньшов работал на предприятии, которое находилось в старом сером здании с пыльными окнами. Летом крыша этого здания нагревалась, как печка, осенью протекала, зимой обрастала снегом и сосульками, а весной снова протекала. Никто не собирался ее чинить. В горшочках на подоконниках росли кактусы: считалось, что они поглощают вредные излучения. Меньшов во время рабочего дня частенько забирался на крышу, чтоб с высоты посмотреть на город. Смотреть, впрочем, было не на что: хрущевки, сталинки и новостройки пялились на Меньшова подслеповатыми окнами, скучные птицы занимались своими скучными делами, а солнце, изнемогая, ползло по выгоревшему небу. Меньшов курил сигарету за сигаретой, чтоб забыть о тоске. В октябре заряжали дожди. Лужи цвета стали лежали на разбитом асфальте, как напоминание о грядущих холодах; по тротуарам брели хмурые прохожие с черными зонтами в руках. Меньшов, чтоб не отличаться, тоже доставал свой черный зонт и плелся на работу, уставившись под ноги как все. Пару раз он пытался выделиться, надев что-нибудь яркое, вызывающее, но на него не обращали внимания, и ему становилось грустно; на следующий день он облачался в свою повседневную одежду. Первый снег выпадал не раньше декабря, почти сразу таял, и тротуары покрывались бурой кашицей. У обочин скапливались ноздреватые холмы из снега и грязи, похожие на чудовищные муравейники. Деревья стояли голые, ветер срывал провода.

На работе Меньшов большую часть времени проводил в своем кабинете за письменным столом. Иногда ему приносили бумаги: он их бегло просматривал. Там были одинаковые черные цифры и черные буквы; они никогда не менялись, только прыгали с места на место. Меньшов ставил необходимую подпись, скреплял печатью, которую хранил в специальной картонной коробочке, и отдавал бумаги девушке по имени Людочка. Людочка уносила документы наверх. Лицо у Людочки было каменное. На вопросы она отвечала односложно (если вообще отвечала), потому что жила с мужем, который не любил разговаривать, и сыном, который пошел в отца и свободное время проводил дома за компьютером. Меньшов когда-то хотел завести семью, но вдохновленный примером Людочки передумал.

Незадолго до Нового года Меньшов покушал шампанское и живую елку, всякий раз надеясь, что его посетит новогоднее настроение, о котором он много раз слышал в новостях. Было скучно наряжать елку в одиночестве, и он старался поскорее покончить с этим безотрадным занятием. Приготовив салат оливье, он гасил свет и садился в кресло перед телевизором. В бокале пузырилось шампанское. На елке мигали разноцветные огни. По телевизору шли новогодние передачи. Меньшову казалось, что ведущие этих передач прилетели с другой планеты: они были ненормально веселые среди общей тоски. Меньшов выключал телевизор, сидел в темноте и слушал, как январский дождь колотит по стеклам. Он размышлял о чем-нибудь отвлеченном или совсем ни о чем. Утром просыпался с тяжелой головой. Доедал салат. Выливал выдохшееся шампанское в раковину. Так он встречал каждый год: сначала в смутных надеждах, потом в пустоте несбывшихся мечтаний. Пробовал читать книги, но у персонажей этих книг была слишком насыщенная жизнь: Меньшов не встречал таких в реальной жизни. А от книг с реалистичными героями ему становилось тошно. Он предпочитал бесцельно валяться на диване, уставившись в потолок, и размышлять, как живут соседи сверху: может, каждый день играют в настольные игры и устраивают посиделки? На самом

деле у соседей была такая же скучная жизнь, как и у него, и черно-белая кошка, которая целыми днями спала и просыпалась только чтоб попить, поесть и снова уснуть.

У Меньшова был друг по фамилии Чуркин. Они работали на одном предприятии; правда, в разных отделах. Чуркин любил пиво. Кроме того, он любил рассказывать грустные истории из своей жизни. После работы друзья заходили в бар, где в духоте помещения выпивали. После пары кружек, выпитых в гробовой тишине, Чуркин начинал говорить монотонным голосом. В его историях не было ничего особенного, всегда одно и то же: как он родился, как вырос, как сидел за партией, ощущая бессмысленность бытия, а потом, полный необъяснимых надежд, поступил в институт, но и там ничего не изменилось; тогда он забросил учебу и пристрастился к пиву, которое не могло унять его тоску, но хотя бы приглушало восприятие бесплодного мира. У Чуркина был серебряный портсигар, который перешел к нему от деда-фронтовика. Чуркин поведал Меньшову, что дед добыл бесценный артефакт на Великой Отечественной войне. Меньшов не интересовался историей портсигара, как впрочем, и остальными историями Чуркина, но, чтоб не обидеть друга, спросил, как именно это случилось. Чуркин медленно облизал губы, испачканные в пивной пене. Ему не хотелось лишний раз болтать о портсигаре, но он не смог отказать Меньшову и приступил к рассказу.

История началась с того, что Егор Лукич, дед Чуркина, сидит в окопе и пьет водку с каким-то сержантом, а над их головами свистят пули. У сержанта погибла вся семья под Киевом, и он не знает, зачем ему дальше жить. Жена незадолго до войны подарила ему портсигар, потому что сержант никогда не унывал и любил курить. Но вот началась война, жена и сын погибли, и сержант впервые в жизни чувствует уныние; да и курить ему больше не хочется. Он пьет, не обращая внимания на взорвавшийся неподалеку снаряд, и молчит, а Егор Лукич, выпив сто грамм, затевает удалую песню. Сержант смотрит на него и думает: вот настоящий человек, не унывает даже во время страшной войны; значит, портсигар теперь по праву принадлежит ему. Подумав так, сержант дарит портсигар Егору Лукичу. Что касается Егора Лукича, то он пел вовсе не потому, что не унывал, а потому, что кроме этого ничего не умел. Более того, за всю войну он не убил ни одного нациста, потому что от страха за свою жизнь не мог крепко держать винтовку. Он хотел выкинуть портсигар – обладание им приносило ему страдание, – но сержант вскоре погиб под гусеницами фашистского танка, и Егору Лукичу стало жаль серебряной безделушки: все-таки память о человеке, имени которого он не знал, а лица не запомнил. По окончании войны Егор Лукич вернулся в родной город к жене. Жена родила ему сына. Когда сын вырос, Егор Лукич подошел к нему и протянул на ладони портсигар. «Зачем мне это?» – тихо спросил отец Чуркина, которого звали Иван Егорыч. Егор Лукич пожал плечами. Он работал на стройке и вскоре умер, раздавленный балкой, а Ивана Егорыча отправили работать на север, за полярный круг. Иван Егорыч надеялся, что подарок отца сыграет важную роль в его жизни, но портсигар бесцельно провалялся в кармане, никак не отразившись в серых буднях полярной экспедиции. Вернувшись домой, Иван Егорыч женился на некрасивой женщине, которая хорошо готовила борщ. Нельзя сказать, что Иван Егорыч любил борщ. Он вообще не любил есть и ел только для поддержания достаточных сил в организме. Когда родился Чуркин, Иван Егорыч, томимый подспудным чувством утраты чего-то важного, отбыл в неизвестном направлении, но перед этим оставил Чуркину портсигар. Мать Чуркина тосковала об исчезнувшем супруге, но не сильнее, чем тосковала при нем, мечтая о дальних странствиях, о которых читала в приключенческих романах Жюль Верна. Чуркин рос угрюмым, но послушным мальчиком; он безропотно таскал портсигар в кармане. Учителя подозревали, что Чуркин курит, и хотели отобрать дорогую вещицу. Однако Чуркин никому не давал семейную реликвию – даже подержать. Он надеялся, что когда-нибудь отец вернется и попросит свой портсигар обратно. Мечтая о возвращении отца, Чуркин садился у окна, где посветлее, и подолгу разглядывал царапины на крышке портсигара, гадая, откуда они появились: может, отец таскал вместе с портсигаром

в кармане ключи и монетки, а может, ничего не таскал, может, эти царапины были всегда и всегда будут.

Услышав эту историю, Меньшов, хоть и не поверил ни единому слову, тоже захотел что-нибудь рассказать. Вообще-то он не собирался ничего рассказывать, но побоялся, что Чуркин обидится, если он не расскажет что-нибудь в ответ. В голове роились куцые воспоминания о мелких проступках, за которые его наказывали в детстве. В них не было ничего достойного рассказа, и Меньшов, сам не зная зачем, начал выдумывать. Он чувствовал, как лживо звучат его слова, и понимал, что Чуркин видит его ложь насквозь, но ничего не мог с собой поделаться и врал напрапоалу. Чуркин же догадывался, что Меньшов врет. Ему было скучно слушать кое-как выдуманную ерунду. Но и подлинную историю из жизни Меньшова ему было бы слушать не менее скучно. Поэтому он кивал, притворяясь, что слова Меньшова задевают его за живое. А Меньшов, сгорая от стыда за свои фантазии, продолжал сочинять. Вскоре он запутался. Попробовал вывести мораль, не смог и увидел, что Чуркин спит. Меньшов замолчал. Чуркин проснулся и тоже ничего не сказал. Так они и просидели в тишине до закрытия бара. В час ночи охранник пошел выгонять припозднившихся посетителей, но за день он слишком устал, поэтому сел за стол, чтоб перевести дух, и уснул, опустив тяжелую голову на дрожащие от напряжения руки. Чуркин с Меньшовым допили пиво и ушли сами.

Подобие радости Меньшов испытывал в день зарплаты. Ему казалось, что деньги внесут разнообразие в унылое течение его жизни. Но радость быстро рассеивалась, когда деньги оказывались в бумажнике. Они ненужным грузом оттягивали карман: Меньшов не знал, на что их потратить. В иные дни он сгорал от стыда, потому что считал, что зарабатывает слишком много, в то время как в глухой провинции дети умирают от тяжелых болезней и голода. Он покупал в супермаркете еду и шел домой гуглить адрес провинциального детдома, чтоб отправить туда купленные по скидке продукты. Однако по дороге ему становилось скучно рыться в Интернете. К тому же он полагал, что еда всё равно не дойдет до несчастных детей, а оседет в желудках жадных воспитателей. Придя домой, Меньшов неторопливо размещал продукты в холодильнике, представляя, как кто-то высший, может бог, рассовывает дни его жизни в своем роскошном небесном рефрижераторе. О детдоме он больше не думал.

Однажды у Меньшова скопилось столько денег, что хватало на хорошую машину. Меньшов хотел колесить по стране: он желал убедиться, что всюду царят пыль и забвение. Возможно, это знание примирило бы его с вечной скукой. Но, прежде чем купить машину, следовало пройти курсы водителей и получить права. Курсы находились прямо напротив дома Меньшова. На этих курсах работала женщина с печальными глазами, соседка Меньшова по этажу. Она всегда вежливо здоровалась с Меньшовым, сталкиваясь с ним возле лифта, и всякий раз заводила скучный разговор об очередном подорожании на рынке, а по субботам угощала Меньшова пирожками с капустой, которые сама жарила в свободное от тоски время. Меньшов боялся, что женщина равнодушна к нему, и если он пойдет на курсы, между ними возникнет связь, которая со временем приведет к браку. Нельзя сказать, что Меньшов дорожил своей холостяцкой свободой, но его тяготил тот факт, что придется рассылать приглашения на свадьбу, арендовать ресторан, смотреть, как дружок пьет водку из тупли, целовать невесту в губы, дрожащие от счастья и ужаса перед первой брачной ночью, а затем половину ночи проверять, кто и сколько подарил денег в бумажных конвертах. Все эти мелочи, которыми он не хотел заниматься, убивали в нем всякое желание идти на курсы водителей. Впрочем, особого желания всё равно не было. В конце концов Меньшов стал откладывать деньги на новую квартиру, а потом и вовсе перестал их откладывать.

Глава вторая

В июле Чуркин попросил Меньшова помочь с похоронами матери. Мать Чуркина, едва сын повзрослел, уехала жить в деревню, чтоб на свежем воздухе доить коров и сеять хлеб. Ничего этого она делать не умела, а учиться не захотела и несколько лет прожила в одиночестве в разваливающейся избушке на краю деревни, едва передвигая ногами от голода и несчастий. Деревенские считали мать Чуркина гадалкой, хотя она никогда никому не гадала и вообще не притрагивалась к картам. Доярка по вечерам приносила ей краюху хлеба и кружку свежего молока. Мать Чуркина отламывала кусок хлеба, делала глоток молока и без сил валилась на кровать, не понимая, что она делает в этом страшном месте. Однажды она легла мимо кровати и ударилась затылком об пол. Из носа у нее потекла кровь, и через несколько дней она умерла. Чуркин, когда узнал об этом событии, пошел на кухню и заварил себе чаю. Он долго сидел перед остывающей кружкой, уставившись в одну точку и размышляя, сколько предстоит забот в связи с похоронами. Ему не хотелось тащить с собой в деревню Меньшова, но он испугался, что если увидит мертвое тело матери, то от груза предстоящих забот повесится; Меньшова же Чуркин воспринимал как шута, который поднимет ему настроение своими нелепыми выдумками даже в самой жуткой ситуации. Обычно Чуркин скучал от меньшовских небылиц, но теперь ему показалось, что они – то единственное, что не дает ему сойти с ума. Поэтому он пригласил друга с собой.

Меньшов ехать не хотел, но прямо отказать не мог. Он решил придумать хороший повод отказаться от поездки: такой, чтоб Чуркин не обиделся. Днем на работе ему в голову ничего не пришло, а вечер он провел у телевизора, не желая тратить свободное время на придумывание дурацкого повода. На следующее утро он встал пораньше, побрился, собрал вещи в рюкзак и отправился на вокзал. Чуркин втайне надеялся, что Меньшов не поедет, и был сильно разочарован, когда встретил друга возле билетной кассы.

Ехали долго. Медленный поезд печально тащился по унылой, обожженной на солнце местности. Мимо проносились тополя, клены, акации, березы, ивы, дубы и телеграфные столбы. В задушенном пылью солнечном свете кренились заборы, конвульсивно извивались русла высохших рек. Чуркин резал колбасу, а Меньшов смотрел в окно. В купе оказался третий сосед по имени Иван: простой русский мужик с крупными чертами лица. Он боялся нечаянным словом нарушить беседу Меньшова с Чуркиным, и хоть те всю дорогу молчали, Иван молчал тоже. Он сидел на полке, сложив массивные руки на коленях, и ждал, когда к нему обратятся. Тогда можно начать обстоятельный разговор. Ему было что сказать, потому что он многое повидал на веку. Но Чуркин с Меньшовым не обращались. Чуркин резал сыр, а Меньшов пил водку. Меньшов считал пьянку в поезде постыдным занятием, но всё равно пил и закусывал колбасой, потому что больше заняться было нечем. Колбаса была невкусная. Впрочем, Меньшов вообще не любил колбасу: он ел ее, чтоб не обидеть друга, который старательно готовил закуску; кроме того, иной закуски в купе не оказалось. Впрочем, был сыр – но сыр Меньшов любил еще меньше колбасы. Что касается Чуркина, то он резал колбасу и сыр не потому, что хотел порадовать друга закуской, а потому что боялся, что если ничего не делать, то придется разговаривать. А разговаривать он не желал. Все его мысли были о том, как бы случайно чего-нибудь не сказать и не завязать беседу. Иван, не переносивший тишины, тактично кашлянул. Чуркин с Меньшовым притворились, что не слышат его покашливания. Меньшов закрыл глаза, чтоб выглядеть спящим; кусок недоеденной колбасы вывалился у него изо рта и упал на живот. А у вас колбаса на животе, хотел сказать Иван, но постеснялся обидеть Меньшова неловким замечанием и ничего не сказал. Чуркин порезал всю колбасу и весь сыр и, не найдя другого занятия, начал аккуратно складывать продукты питания в шуршащий розовый пакет.

Поезд остановился на станции провинциального города. Сквозь потрескавшийся бурый асфальт пробивалась квелая трава. Штукатурка со стен облетела. Часы на здании станции стояли. Мертвая кошка лежала на щебенке рядом с мертвым голубем. В вагон, пошатываясь, вошла тощая женщина в очках, с баулом в бледных руках. Ее место оказалось в купе Меньшова и Чуркина. Женщину звали Таня. Иван забрал у Тани баул и поместил его на багажную полку. Таня замерла, как будто от страха перед этим русским великаном, но на самом деле она давно не испытывала ни страха, ни других чувств, а замерла по привычке, выработанной в молодые годы, когда Таня, наслушавшись матери, всерьез опасалась, что ее изнасилуют. Иван ободряюще улыбнулся молодой женщине. Таня села на краешек полки. В вагоне было душно, хотелось пить, но для этого придется просить Ивана достать с полки баул, в котором лежит бутылка минеральной воды. Таня боялась, что Иван в ответ на ее скромную просьбу даст волю гневу и набросится на нее. Она не особенно страшилась изнасилования, но опасалась, что, если Иван сорвет с нее юбку, все увидят, что у нее на трусах сбоку дырочка. Таня корила себя за то, что не заштопала эту дырочку перед поездкой. Иван смотрел на Таню с нежностью, потому что решил, что она скромная сельская учительница. Его мама была учительницей, и он уважал тяжелый труд учителей. Он хотел приободрить Таню, но опасался, что его скромного словарного запаса не хватит, чтоб найти отклик в сердце интеллигентной женщины. Таня, видя, что Иван пристально на нее смотрит, забилась в угол. Она молила бога о снисхождении или хотя бы о том, чтоб никто не заметил дефекта в ее трусах. Вскоре она уснула. Во сне она переходила дорогу и упала в пропасть, из стен которой росли щупальца. Щупальца касались ее обнаженной кожи своими присосками. Иван укрыл Танины ноги краешком одеяла. Ему стало тепло на сердце, потому что сельская учительница отдыхала от забот. Он решил, что ей снится весеннее поле, влажное от утренней росы, или что-нибудь другое, не менее приятное. Про себя он называл Таню фиалочкой, хотя Таня совсем не походила на фиалку. Просто Иван всех женщин, которые ему нравились, звал фиалочками.

Колеса стучали. Чуркин закончил складывать колбасу и сыр в пакет и застыл, не зная, чем заняться. Он увидел колбасу на животе у Меньшова и решил, что Меньшов нарочно положил ее на живот, чтоб рассмешить его. С грустью размышлял он, что его дед в голодное время мог убить за колбасу, а Меньшов, не думая о чувствах других людей, использует сырокопченный продукт ради юмора. Чуркину захотелось учинить скандал, но скандал мог привести к тому, что Меньшов откажется помогать с похоронами. Поэтому Чуркин смолчал. Впрочем, он бы всё равно ничего не сказал, потому что берег голосовые связки для будущих бесед. Он надеялся, что в будущем ему предстоят по-настоящему важные разговоры с разумными людьми, а не с этим быдлом, которое его окружает. Поэтому он притворился, что не видит колбасы, и устоял в пол.

Меньшов не спал; рука у него затекла, но он боялся пошевелиться: тогда в купе поймут, что он только притворяется спящим. Поэтому Меньшов лежал тихо и вскоре уснул по-настоящему. Колбаса упала с живота на пол. Иван хотел поднять ее, чтоб накормить какую-нибудь дворнягу, но испугался, что соседи решат, будто он берет колбасу для себя, и передумал поднимать.

Что касается Тани, то она продолжала лететь в пропасть в своем сне.

Глава третья

Ветер прижимал хворые травинки к земле. На холме за оврагом покачивались березки. Солнце беззвучно жарило в вышине. На лугу паслись коровы, кожа да кости, в овраге зарастал бурьяном ржавый трактор. Ворона тоскливо глядела на окружающий мир с кабины трактора. Несчастливая птица попыталась взлететь в последний раз, но силы оставили ее, и она камнем рухнула вниз, в сухие и ломкие заросли. Муравей заполз вороне на глаз, но ей было слишком лениво двигаться, чтоб согнать муравья, и она лежала неподвижно, сохраняя тлеющие угольки жизни внутри своего исхудавшего пернатого тела. Работяги-муравьи штурмовали ворону со всех сторон и вскоре полностью ее облепили.

На станции их никто не встретил, но Чуркин сказал, что знает дорогу. Они спустились по заросшему ромашками склону и углубились в заливные луга. Меньшов не любил сельские просторы, потому что ощущал себя ничтожной букашкой среди огромных пространств. Город он тоже не любил, даже сильнее села, но, находясь в сельской местности, тосковал по многоквартирным домам южной столицы; впрочем, не особо и тосковал. Он хотел рассказать о своих противоречивых чувствах другу, но испугался, что тот в силу душевной черствости не поймет его. Поэтому он стал жаловаться на больные ноги. У Чуркина напряглась спина: он злился.

– Я устал, – говорил Меньшов. – У меня болят ноги.

– Скоро придем, – отвечал Чуркин.

– Но у меня болят ноги, – давил Меньшов. – Я не могу идти.

– Я же иду, – ворчал Чуркин.

– Ты-то идешь! – огорчался Меньшов.

Чуркин тоже устал, но ему не нравилось, что предложение сделать привал исходит от Меньшова. Только он соберется сказать «Ладно, давай отдохнем, Меньшов», как Меньшов начинает ныть о своей усталости и Чуркину приходится отказывать ему в отдыхе. Так повторялось несколько раз. Чуркин вскоре сбил пятки в своих неудобных сандалиях. А Меньшов, будучи в кроссовках, шагал весело и быстро. Справа за камышами шумела река; пахло тиной, квакали лягушки. Меньшов мечтал о рыбалке: сидишь на берегу и удишь, а мир вокруг застыл в грустном оцепенении.

– Хорошо бы порыбачить! – сказал он.

– Что ж в этом хорошего? – со злостью спросил Чуркин.

Меньшов понял, что Чуркин злится, и решил развить опасную тему, чтоб подначить его.

– Поймаю много рыбы, ухи сварю, – сказал он.

Чуркин нахмурился:

– Я поймаю больше рыбы, чем ты.

– А у тебя удочка есть?

Чуркин не знал, что ответить. Он решил, что Меньшов намекает, что Чуркин беден и не в состоянии позволить себе удочку. Дело в том, что Меньшов работал на предприятии меньше Чуркина, но по своему положению поднялся выше и получал больше. Чуркин же, будучи малообразованным, оставался простым монтажником: паял модули и дышал вредными испарениями, лакируя в подвале делителя, в то самое время как Меньшов смотрел в окно, чесал затылок и подписывал бумаги, сидя за письменным столом в удобном кожаном кресле. Обычно они не касались этой темы, но Чуркин последние три года со смиренным ждал дня, когда социальное неравенство все-таки разрушит их дружбу. И вот этот день настал. Чуркин хотел предотвратить катастрофу, но почувствовал себя удрученным и не сказал ни слова. Меньшов же примерно понимал, что творится в душе у Чуркина, и звал от

скуки. Чуркин сел на трухлявый пенек и уставился на реку. Меньшов вытащил из рюкзака шоколадный батончик. Батончик размяк от жары, и Меньшов, подержав батончик в потной руке, сунул его обратно в рюкзак. Чуркин наклонился поглядеть, что это блестит у него под ногами, но не увидел ничего кроме запекшейся грязи. Меньшов хотел спросить у Чуркина, далеко ли еще до деревни, но промолчал. Казалось, наступило безвременье. От теплого воздуха, напоенного ароматами луговых трав, кружилась голова. «Зачем куда-то идти, когда можно сидеть на берегу и никуда не идти?» – подумал Меньшов, потягиваясь. Чуркин теребил пальцами ремешок наручных часов. Он сунул руку в карман и нащупал портсигар. Ему показалось, что он должен ощутить связь поколений, но – не ощутил. Портсигар нагрелся, рука в кармане вспотела. Меньшов снял кроссовки и намочил босые ноги в реке. Вода казалась невесомой. Интересно, сколько здесь рыбы, подумал Меньшов. Про себя он решил, что рыбу легче купить в супермаркете. Чуркин от скуки выдирает волоски из ноздрей. Острая боль, которую испытываешь, когда выдираешь волосок, раньше приносила ему странное удовольствие. Но со временем удовольствие превратилось в привычку. Меньшов надел кроссовки и спросил, не пора ли идти. Чуркин прикинулся, что не слышит. Меньшов сел на корточки и закрыл глаза, чувствуя, как солнце нагревает веки. Чуркин покосился на Меньшова. Из кустов за ними следил молодой человек по фамилии Танич. Это был маньяк, орудовавший в лесополосе. Он убивал детей из жалости, чтоб они не испытали в будущем кошмары взрослой жизни. Кроме того, ему нравился звук, с которым он вынимал из мертвых детских тел внутренние органы. Детскую печенку он любил в жареном виде, с золотистым лучком и картошечкой, запивал ее соленым томатным соком, а свежий хлебушек покупал в пекарне, в которой работала его невеста, румяная девушка по имени Настя. Настя после работы оставляла для своего любимого самую лучшую буханку – с воздушным мякишем и хрустящей корочкой. О том, что Танич – маньяк, Настя не знала, хотя нередко читала в газете, что в области без вести пропал очередной ребенок. Дрожа от страха, она заключала Танича в объятия и грозилась, что, когда у них родится маленький, она не отпустит ребеночка от себя ни на шаг. Танич радовался Настейной наивности и гладил ее по русой голове, ощущая, что тайна скрепляет их отношения. Танич собирался прожить с Настей долгую счастливую жизнь. Однако в последнее время убийства детей стали рутинной: Танич сильно тосковал. Для разнообразия он решил убить взрослого человека. Какова же была его радость, когда он увидел в лесополосе двух неместных, которые шли неизвестно куда, но, очевидно, с дурными намерениями. Таких, пожалуй, никто не будет искать. Однако с двумя взрослыми мужчинами справиться нелегко. Танич решил подождать, когда они разделятся, а потом уж и убить. Он бесшумно двигался в зарослях, не выпуская из виду Меньшова и Чуркина. Слежка быстро ему надоела, и он прилег на опушке, чтоб отдохнуть. Он лежал на спине, жевал горькую травинку и смотрел в небо, а небо было голубое и обезвоженное – ни единого облачка. Танич представил Настю, как они вместе живут и старятся, и ничего в их жизни не происходит, и до того тошно ему стало на душе от этих мыслей, что он перевернулся на живот и заплакал.

Тем временем Меньшов и Чуркин достигли места назначения. Деревенские жители приняли гостей с распростертыми объятиями. Это были простые, веселые люди. Они жили в разрухе, но не унывали. Этот факт шокировал и Меньшова, и Чуркина. Чуркин ожидал увидеть пустоту и забвение в сердцах деревенских жителей, но ничего такого не было и в помине. Директор продмага номер два пожал Чуркину руку, принес ему свои соболезнования и сообщил, что покойницу успели обмыть и переодеть в новое платье. Кузнец, огромный детина, и его помощник принесли гроб с матерью, поставили его на стол посреди комнаты. Крышка осталась в передней, рядом с обувью. Мать лежала на перине, укрытая простыней, лоб ее украсили венком из пижмы, а на застывшую в неподвижности грудь чья-то заботливая рука положила маленькую фотографию иконы Божьей Матери. Чуркин смотрел на мать

и не узнавал. Ей что-то положили под щеки, чтоб они не ввалились, а губы намазали красной помадой. Чтоб успокоиться, Чуркин выпил кружку самогона, потом еще одну и еще. В комнате было душно. Произносились какие-то слова. В полумраке горели свечи. Кто-то всё время покашливал: кхе-кхе. Кто-то плакал. Чуркин с трудом понимал, что происходит. Гроб с матерью подняли и понесли на кладбище. Откуда-то появились венки. Один из них вручили Чуркину. Чуркин уронил венок и залился слезами. Деревенские женщины наперебой утешали Чуркина, а тот, пьяный в стельку, рыдал в объятиях пышногрудой доярки. Меньшов с тоской смотрел на крестьянские лица, перекошенные от тяжелой работы в поле. Ему хотелось в город, к интеллигентным людям. Кузнец сочувственно хлопал Меньшова по плечу, потому что думал, что тот переживает за друга. Меньшов же переживал не за друга; он не помнил, выключил ли он телевизор, уезжая из дома. Прибыли на кладбище. Гроб установили на две табуретки перед вырытой могилой. Кузнец попытался всунуть Чуркину в руки документы, свидетельство о смерти и прочее, но Чуркин не понимал, что от него требуется, и постоянно ронял бумаги. Директор продмага выступил с короткой траурной речью. Закончив речь, он предложил высказаться и остальным, но никто говорить не захотел. Чуркин бессвязно хрипел, переминаясь с ноги на ногу. Лицо покойницы скрылось под покрывалом. Гроб накрыли крышкой и бережно опустили в яму. Директор продмага и его немой сын приготовили лопаты. Чуркин упал перед ямой на колени: он что-то кричал и рвал на груди футболку. Деревенские стыдливо отводили глаза. Кузнец помог Чуркину подняться. Чуркин был настолько пьян, что уже не помнил, зачем сюда приехал. Колбаса на животе, повторял он, колбаса на животе – вот что это такое. Ему вложили в руку горсть земли и заставили кинуть в яму. Чуркин с удивлением посмотрел на испачканные в грязи пальцы. Мать стали закапывать. Чуркин полез целоваться к доярке. Муж доярки отнесся к горю Чуркина с пониманием и не стал бить ему морду. Чуркина взяли за руки и отвели под старый дуб, в тень. Дали ледяной воды в ковшике. Чуркин большую часть ковшика пролил мимо рта. Женщины причитали, жалея Чуркина; доярка поправляла на голове сбившийся платок. Пожилая Аграфена Петровна отчитывала мужчин, которые споили несчастного городского. Кузнец и директор продмага потупились. Кто-то спросил: продолжать закапывать или погодить? Чуркина рвало в кустах. Аграфена Петровна велела продолжать. У Чуркина спросили, нет ли у него портрета матери, чтоб установить его на могилу. Чуркин в невменяемом состоянии куда-то пошел. Его вернули. Меньшов глядел на этот пьяный разгул со слезами на глазах. Кузнец, видя печальное состояние Меньшова, налил и ему. Меньшов пить отказался. Аграфена Петровна одобрительно кивнула. Что касается Меньшова, то он отказался пить вовсе не потому, что не хотел выпить, а потому, что боялся пить неочищенный самогон. Он и деревенскую пищу отверг, опасаясь, что в ней полно непригодных для жизни глистов. Чуркин кинулся к могиле, оттолкнул кузнеца и свалился в яму. Его вытащили, грязного и облеванного. Сын директора продмага повел Чуркина мыться. Меньшов боялся оставаться наедине с деревенскими и пошел за Чуркиным. Окончания похорон друзья не увидели. Через час в дом директора пришли остальные. Во дворе накрыли большой стол – помянуть. Отмытый Чуркин в чужой застиранной рубашке сидел во главе стола бледный, едва живой и икал. Все ждали от него каких-то слов, но Чуркин ничего не говорил. Тогда начали говорить деревенские. Кузнец сказал, что мать Чуркина была добрая и отзывчивая женщина. Тракторист Лёня отметил, что до самого конца она вспоминала о сыне. Директор продмага заявил, что мать Чуркина помогала ему в магазине. Все знали, что это неправда, но директор врал так убедительно, что многие ему поверили. Доярка, всхлипывая, рассказала, как приносила матери Чуркина молоко и хлеб и как она ее благодарила. Муж доярки прослезился от трогательного рассказа жены. Немой сын директора что-то промышчал, и отец перевел его слова. Вышло, что мать Чуркина перед смертью нагадала сыну директора скорую свадьбу и рождение

маленького. Внучка Аграфены Петровны зарделась. Аграфена Петровна сказала директору, чтоб он врал, да не завирался.

– Или ты думаешь, что раз директор, то тебе всё можно? – спросила она, подбоченившись.

Раздались смешки, которые, впрочем, сразу утихли. Меньшов с трудом терпел общество этих простых людей. Ему предложили сказать пару слов о матери Чуркина, и он по привычке наврал чего-то, ожидая, что для деревенских и так сойдет. К его удивлению, деревенские не поверили: они могли поверить любой лжи, если чувствовали, что она идет от сердца, но Меньшов врал не от сердца, а от ума. Аграфена Петровна наклонилась к соседке и прошептала так громко, что услышали все: друг, ишь ты! да в нашей молотилке больше сердешности! Меньшов откинулся на стуле и глядел на деревенских с презрением, притворяясь, что нарочно солгал, чтоб задеть чувства окружающих. Внучка Аграфены Петровны отодвинулась от него подальше. Даже добрый кузнец покачал головой и отвернулся. К Меньшову перестали обращаться. Меньшов же с тоской размышлял о вырождении деревни. Он глядел в загорелые лица крестьян и думал, что их уже ничем не спасти. Ему хотелось как-то помочь погибающему российскому крестьянству, но он понимал, что это утопия.

День клонился к закату. Чуркин поднялся. За столом наступила тишина, потому что все решили, что Чуркин, наконец, скажет что-нибудь о матери. Но оказалось, что Чуркин хочет в туалет. Сын директора проводил его. Чуркин долго не возвращался. Вернулся сын директора и знаками показал, что Чуркин заперся в кабинке и не открывает. Кузнец и тракторист Лёня выломали шпингалет. Чуркин спал на очке со спущенными до лодыжек штанами, голову уронив на грудь. Зеленые мухи кружили над макушкой спящего человека. Его с трудом вытащили: пьяный Чуркин, проснувшись, кричал, что ему надо, чтоб его любили, но мама умерла, и теперь его никто не любит, а ему надо, чтоб его обязательно любили, хотя бы кто-нибудь. Он несколько раз повторил, что ему надо, чтоб его любили. Меньшов с презрением наблюдал со стороны за этим театром абсурда. Могучий кузнец взял брыкающегося Чуркина на руки и понес в дом. Директор продмага распорядился постелить. Рано утром тракторист Лёня отвез друзей в уазике на железнодорожную станцию. За всю дорогу никем не было сказано ни единого слова.

Глава четвертая

После поездки в деревню Меньшов отдалился от Чуркина. Они уже не выпивали вместе, а, встретившись в коридорах предприятия, только сухо здоровались. Чтоб чем-то заполнить одинокое существование, Меньшов купил себе айфон. Дома айфон валялся бесхозный. На работе Меньшов клал айфон перед собой на стол, чтоб все знали, что у него есть айфон. Он ждал, что кто-нибудь восхитится по этому поводу, но никто не восхищался. Даже Людочка молчала. Впрочем, она молчала почти всегда. Меньшов сильно тосковал. Ему казалось, что люди в последнее время отупели. А может, не восхищаются айфоном из зависти. Целыми днями он бесцельно слонялся по кабинету в тщетных поисках смысла. Начался сентябрь. Резко похолодало. В пасмурном небе читались тревожные знаки. Люди сутулились, будто их придавило какой-то тяжестью. Меньшов нашел в Интернете информацию о Стиве Джобсе, создателе айфона. Оказалось, это великий человек. Меньшов решил обрести смысл в поклонении основателю компании «Apple». Он всюду рассказывал о гении Стива Джобса. Приписывал ему разные забавные черты, вроде любви к мягким французским булкам и крепкой мужской дружбы с Биллом Гейтсом, создателем операционной системы «Windows». Из слов Меньшова выходило, что Джобс и Гейтс – Моцарт и Сальери современной информационной индустрии. Со временем айфон наскучил Меньшову. К тому же Стив Джобс умер от рака поджелудочной железы, а Меньшов терпеть не мог думать о мертвых. Он спрятал айфон в ящик стола и отдался течению одинаковых серых дней. Окна его кабинета выходили на студенческий парк. В парке под плакучей ивой стояла скамейка с красивой желто-зеленой спинкой. Каждый будний день ровно в одиннадцать часов к скамейке подходила девушка с книгой, чтоб почитать в спокойной обстановке. У нее было сосредоточенное лицо. Локон, похожий на пружинку, всё время падал ей на переносицу, и она машинально поправляла его. В час дня девушка закрывала книгу, вставала и уходила. Это повторялось в течение двух недель. С девушкой было связано какое-то смутное юношеское воспоминание. Возможно, Меньшов видел похожую девушку на старой открытке или еще где-то. При виде нее у него сжималось сердце. Ночи он проводил в холодной постели, уставившись в потолок, весь в мыслях о таинственной незнакомке. Искал повод подойти к ней, но всё время откладывал решающий день. В конце концов незнакомка перестала появляться в парке, и Меньшов забыл о своем спонтанном чувстве. К тому же город взбудоражило появление жестокого маньяка. За один месяц он похитил и убил как минимум двенадцать детей. Меньшов поначалу содрогался от ужаса, читая статьи о каждом новом похищении, но потом привык к ним и уже не содрогался. Детей у него не было, а маньяк похищал одних девочек не старше десяти лет.

Чуркин, который и до смерти матери был нелюдимым, стал социопатом. Являлся на работу в грязной одежде: под глазами мешки, носки воняют. Коллег сторонился. Начальник сделал Чуркину замечание. Чуркин обещал исправиться, но на следующий день снова явился в потрепанном виде. Начальник махнул на Чуркина рукой: план по пайкам выполняет – и ладно. Чуркин работал усердно, делал не менее двух тысяч паяк в день, но после работы не задерживался, шел сразу домой. Меньшов догадывался, что в жизни Чуркина появилась какая-то тайна. В нем пошевелилось вялое желание пролить свет на эту тайну, но желание быстро угасло. Он часто видел Чуркина в окно, как тот, сгорбившись, шагает к автобусной остановке. Иногда Меньшов скучал без посиделок с Чуркиным в баре, но, вспомнив, что эти посиделки были гораздо скучнее, чем воспоминания о них, начинал вспоминать что-нибудь другое: например, вчерашний футбольный матч. Меньшов не любил футбол, но смотрел его, чтоб было что обсудить с коллегами в курилке. Не сказать, что Меньшову нравилось разговаривать с коллегами, но он боялся, что если прекратит общаться, то люди подумают, что он такой же нелюдимый, как Чуркин, и директор понизит его. Меньшов даже купил шарф

болельщика, чтоб подчеркнуть свою приверженность футболу. От шарфа у него потела и чесалась шея, и он спрятал его в стол, поближе к айфону. В квартале от Меньшова жил Кабанов. Жизнь у него была обычная. Жену не любил, маленькой дочери опасался. Когда жену выписывали из роддома, Кабанову вручили сверток с дочерью, украшенный розовой лентой, и он держал его в красных волосатых руках, не зная, куда деваться от неизбежности. Этот маленький сверток перечеркнул детскую мечту Кабанова стать кругосветным путешественником. Впрочем, Кабанов никогда и ничего не делал для осуществления своей мечты. Он плыл по течению жизни с телевизионным пультом в одной руке и бутылкой пива в другой. Жена пилила его, но Кабанов воспринимал ее голос как привычный шум, вроде телевизионных помех. Иногда он бил жену, но не сильно и без злости, скорее от скуки. Дочка любила Кабанова. Научившись ползать, она подползала к отцу, хватала его маленькими ручками за штанину и пыталась что-то сказать. Кабанов смотрел на это нелепое существо с недоумением. На вытянутых руках он относил дочь в другой конец комнаты, а сам возвращался на диван. Дочка смеялась, думая, что папа с ней играет, и снова подползала к нему. Со временем Кабанов научился не замечать дочь. Порой он подкидывал ее в воздух и ловил, но делал это без всяких чувств, просто зная, что отцы иногда так поступают. Дочка хохотала. На щеках у нее появлялись симпатичные ямочки. Когда девочка научилась ходить, Кабанов стал гулять с ней во дворе. Он останавливался поболтать с мужиками, не обращая внимания на маленькое существо, которое старалось заслужить одобрение отца, принося ему то листок, то палочку, то фантик. Кабанов помещал дочь в песочницу, а сам садился на скамейку. Дочь мастерила из куличиков крепость, а потом бежала к отцу и тянула его за рукав, чтоб он посмотрел на ее песочное искусство. Кабанов нехотя шел смотреть. Он видел нелепое нагромождение песка, сухих веточек и кошачьих какашек, а для его дочери это был величественный замок с башенками, балкончиками и развевающимися на ветру флажками. Она хотела поделиться с отцом радостью созидания. Кабанов говорил «да-да, молодец» и гладил дочь по голове. Он делал это без всяких чувств, как запрограммированная машина, а девочка замирала от счастья и тянулась за рукой Кабанова, словно котенок. Кабанов, погладив дочь, шел обсуждать с мужиками какой-нибудь карбюратор. Не то чтобы он хотел поговорить о карбюраторе, но говорить всё равно было не о чем. Дни стояли жаркие, скучные. В неподвижном воздухе было видно каждую пылинку. Осенью мать повела дочь Кабанова в детский сад, и с тех пор они виделись реже. Кабанов сидел на скамейке и тупо глядел в пустое пространство перед собой. Из автомастерской его уволили, и он не знал, куда податься. Пробовал красть продукты в супермаркете, но быстро попался. Хорошо еще, дело вел шурин. Дело замяли, и Кабанов устроился охранником на забытый богом склад, сутки-двое. Сидел в маленькой каморке и тихо спивался, глядя в черно-белый телевизор, на который приходило изображение с камеры видеонаблюдения. Сутки после работы спал, другие сутки бессмысленно сидел на диване. Жена пылесосила вокруг его ног, словно он был мебель. Дочь радовалась, что папа дома, и приносила ему свои рисунки. Кабанов не понимал, что там изображено: какой-то винегрет из цветных пятен. Дочь объясняла, что это, например, козлик. А это, например, уточка. А вот это папа, он держит дочку за руку и ведет ее в парк развлечений. Кабанов вспомнил, что и впрямь водил дочь в парк развлечений. Из семейного похода ему запомнилось, что пиво в парке продавалось теплое и невкусное. Остальные воспоминания утонули в безбрежном океане скуки. Он запрокидывал голову и смотрел в потолок. Потолок пожелтел от времени, надо побелить, но Кабанов не хотел белить; он вообще ничего не хотел. Жена спросила, пойдет ли он на утренник в детский сад: у него ведь как раз выходной. Кабанов ничего не ответил. День утренника он провалялся на диване, вдыхая ртом пыль. От бессмысленности происходящего слезились глаза. Он вспомнил, что когда-то в детстве о чем-то мечтал, но не мог вспомнить о чем. Так и не вспомнив, он уснул и не увидел, как вернулась с утренника